

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
**«Народная библиотека
Самарской губернии»**
книгу

Максим Ершов

Флагшток

Стихи

Русское эхо
2011

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

Е 80

Ершов М.С.

Е 80 Флагшток: Стихи. — Русское эхо:
Самара, 2011. — 64 с.

ISBN 978-5-904319-61-8

Это первая книга поэта из г. Сызрани Максима Ершова, известного по публикациям в журналах «Наш современник», «Москва», «Русское эхо».

ISBN 978-5-904319-61-8

© Ершов М. 2011.

© Русское эхо, 2011.

* * *

Я вам машу рукой, машу издалека.
Как будто всё плыву, но широка река.
Как будто всё бегу, но поезд мой ушёл.
А я машу рукой: «Всё будет хорошо!»

Присяду отдохнуть, нелепый и чужой.
Сыграю в «дурака» с обманчивой душой.
А сердце всё идёт с любовью на руках.
И пишет о себе в нечитанных стихах...

Только музыка

Коль родится ещё затея,
к ней приложится цвет знамён.
Только музыка — сверхидея,
и поэтому — вне времён.

У Всевышнего цель иная
в оправдание для голов.
Только музыка плачет, зная
всё, чему ещё нету слов.

Полустанки Вселенной меря,
мы сумеем быстрее летать.
Только музыка — вот потеря
перехода в иную стать.

Но пред смыслом грустить не надо:
делу время — потехе час.
Только музыка знает правду,
и поэтому верит в нас.

* * *

Д.Б.

Бывают дни у судеб — перекрёстки,
бывают встречи — мимо не пройти.
Потом спешат года и выются вёрсты...
Идут, ведут, расходятся пути...

Но знаю: правду люди говорили,
что помнит из любого далека —
поверх забот, времён и трудных милей —
один чужак другого чужака.

* * *

Л.Ф.

Ты помнишь тот азарт давнишний?
Как пыль у ног вилась столбом!
Срывая дни неспелой вишней,
мы вышибали опыт лбом...

В сиротах много этой воли —
ходить незрячими во тьму:
искать любви, набраться боли
и расписаться за тюрьму...

Зато теперь, коль глаз намётан,
увидеть легче пред собой,
в чём тяжесть ровного полёта
по этой загнанной кривой.

* * *

Е.Д.

Всё, что было задорно и здорово,
прокатилось, как радостный звон.
Расставанье — холодное олово.
Был я искренне в дружбу влюблён.

Ты склони ко мне русую голову —
напоследок давай помолчим.
Расставанье — тягучее олово —
чугунеет от веских причин.

Тает эхо...
Куда же ты, молодость?
Тех — таких же — уж нас с тобой нет.
Расставанье — тяжёлое олово —
затеряется в сумерках лет.

Дегу

...Мне в этом небе, чистом иссиня,
в котором, ну, ни беса нет,
приснилась трепетная истина,
дошедшая из давних лет.

Я — твой последний.
Помню ласково
над Волгой рыжую зарю...
За край ребячий, полный сказками,
тебя навек благодарю!

За пыль дорог, что были пройдены
в азарте простеньких затей.
За эту боль щемящей родины
в сиянии её путей.

Первая любовь

Ю.А.

...Память сердца
кольнёт, как финка,
между рёбер мальчишке-хлюсту.
Прямо здесь — в суматохе рынка,
зазвучит тополиной грустью...

Не пройду — заверну
и снова
появлюсь неуклюже,
шатко
подойду и, не зная слова,
посмотрю на тебя украдкой.

Эту радость не спрятать втуне —
пусть сияет улыбкой давней!
Пролегла в горизонты юность,
ты, кровиночка, навсегда в ней.

Это можно назвать любовью:
десять лет я всё глуше, глуше
отношений бросаюсь новью,
никого не запомнив лучше.

И бог весть — кто сказал, что поздно?
Да... прости... да, семья и дети...
Хочешь розы? Вот эти розы —
их красивее нет на свете...

* * *

Н.К.

Вечное время
считает
надменно и глухо.
Жёлтым огнём
пускает по небу
свои корабли.
В городе
вечного хама
и вечного брюха
вечная девочка ищет,
как воздуха,
вечной любви.

Вечная девочка пишет стихи
о добре и бессилье
в мире,
живущем инфарктами
вечной войны...
Милая девочка,
беленький ангел предвечной России,
где же сорвать тебе
веточку
вечной весны?..

* * *

...Мы перестали быть детьми.
Уже не слышим,
как ливень гулками плетьюми
стегают крыши,
трезвонит жидким хрусталём,
проходит краем,
в печальном имени твоём —
неподражаем.

Теперь ты любишь тишину
И долгим взглядом
искать по комнате вину
со мною рядом.
И так спасительны окно,
ковёр и мебель,
как будто у мечты давно
надломлен стебель...

Довянет белый наш цветок
из снов и песен.
Итог ни капли не жесток,
а только честен.
И, вняв движениям твоим
нетерпеливым,
непонят и неповторим —
шагну под ливень.

Такая ночь

Из торжественной тьмы ночь построила синие
замки.
Обозначила своды мерцанием звёздных свечей.
Пламенели гирлянды, блистали цветные
стеклянки,
и горели огни...
И я был беспросветно ничей.

Начиналось вино, разбегались безудержно
стрелки,
многоликая пляска сплетала часы в кружева.
Лишь потом — в полусвет мишуры,
так осколочно мелкий, —
ты явилась вся в красном, как правда, что вечно
жива.

Произволами рук обвила и согрела затылок,
не оставила шанса на слово экспансией губ,
посмотрела — спасла...
Остывая стволами бутылок,
праздник медленно таял на свежем январском
снегу.

Новогодняя ночь прокутила все синие замки,
и лиловый рассвет подводил безутешный итог.
Успокоенный вихрем своей непокорной славянки,
я уснул как мужчина...
Мне снился горящий восток.

Песня

Под гротеск реклам и мандраж подземки
развенчают дни комментарий строчек.
Под пугливый шелест секундной стрелки
взгляд проявит чувства офсетный прочерк...

Назову изъяны любимой фишкой,
помещу портрет в золотые рамы,
научусь молчать поэтично слишком,
натяну струну предстоящей драмы.

Здравый смысл напомнит о чувстве меры.
На спасенье явится вечный гений.
Все свои столетья горячей веры
положу на плаху твоих коленей.

Мегаполис встанет стеной коммерций —
изогнёшь скульптурно свои запястья.
Будешь биться болью второго сердца,
а глаза манить, как тоннель до счастья.

В тишине повиснет немая правда —
оборвётся сердце весенней льдиной.
И прощальным взглядом от двери в завтра
я запомню песню моей любимой...

Поздно

Нет, не выдумки страшны!
Мать-земля ведёт отсчёт.
В неизбежность тишины
с неба падал самолёт.

С неба падал самолёт.
Время лопалось, звеня.
Все мгновения, как лёд —
двести жизней на ремнях.

Двести жизней на ремнях.
Запредельный нервный тик.
А потом на скатерть дня —
то ли взрыв, а то ли — крик.

То ли взрыв, а то ли крик —
мать-земля ведёт отсчёт.
То не сын к груди приник,
то — разбился самолёт...

* * *

Всегда загадочно-простая,
с чуть наклонённой головой,
так беззащитно проступая
по мостовой
под свет ресниц, позолочённых
бессмертным веяньем весны,
с глазами новопосвящённых,
среди тишины;
с тревогой новой, новой лаской,
для всех вчерашних далека —

проходит женщина с коляской...
через века.

Беги!

Без дрожи взяла рука —
троих к праотцам навек...
«Калашников», два рожка,
дорога, посадка, снег.

По следу ЗИЛы летят —
телеги твоей вины.
Куда ты бежишь, солдат,
от гнева своей страны?

По следу овчарки — «фас!»
Весь мир в амбразурах век.
Отыщут по блеску глаз,
положат в проклятый снег.

К кому ты бежал, солдат,
кто молит о счастье, кто?
Кому из тебя отдать
кровавое решето?..

— Не надо!..
Я сам, я сам.
Я знаю, что слева цель...
Маманя! Не верь им, мам,
что пуля жужжит,
как шмель.

Флагшток

*Достопримечательность ИК-10 —
берёзовые аллеи...*

Стоит аллея ровною строкою.
Как песня — символ каждого ствола.
В берёзах ищет
капельку покоя
моя горячая
большая голова...

В годах — как в клетках,
в хохоте — как в вое.
Трёхцветной рыбкой в небе — Родины кусок.
И вижу я, что нас всего-то двое:
я и такой же — в небо ввинченный —
флагшток...

Глаза навстречь полны холодных бризов.
Как будто враг даёт с усмешкой «пять»,
перчаткой скользкой
время тянет вызов,
который мы обязаны принять.

И, укрепясь неимоверным чаем,
глазами шаря,
щурясь, как слепой,
сквозь зубы
сам себе
шепчу отчаянно:
«Люби и пой!»

Первый

Девушка пела в церковном хоре...

Блок

Так было при синих огнях перехода:
нездешне весел — под стать струне —
нетрезвый парень, связной народа,
играл, прикинув спиной к стене.

Так было часто: вблизи вокзала,
где дорог каждый секундный шаг,
он пел всё то, что страна сказала
живучей песней — не просто так.

Он пел об эпохе Большой панели,
пел о солдатах, которым жить,
пел обо всех, обо всём, что пели,
что каждый боялся, но смог забыть.

И грезили песни неясной далью.
И скупю, скромно мелькнув рукой,
люди звенящей и мятой данью
платили ему за свой покой.

Деньги кидали под ноги, на пол.
Тревожный и ясный метался взгляд.
И парень смолкал, и потом он плакал
о том, что первым пришёл назад.

* * *

Это можно говорить громко.
Это можно напевать тихо.
Никакого нет от слов толка,
всероссийское моё лихо.

Быстро новая растёт поросль —
греет корни ей река Лета.
Мы всё дальше, всё сильней порознь,
наша песенка без нас спета.

Как трёхцветные нежны флаги!
Как двуглавая сильна птица!
Поистерлись мы в своём шаге,
разучились поднимать лица...

Я бессмысленность свою знаю:
в редкий праздник обелиск важен.
Распустилось наших дней знамя
над судьбою нефтяных скважин.

А свобода, как корабль — ровно,
рассекает бедноты немочь.
Государь, мы все твои кровно!
Только жаль, что нам цена — мелочь.

«Колокольни»

Ты меня не спрашивай, доколе
будет благодать уделом слов.
Рок наш в том, что много «колоколен»,
на которых нет колоколов.

Мудрым равнодушьем осиянен,
за собой не чувствует вины
вечно недалёкий россиянин —
корень незадачливой страны...

* * *

...Ты меня так любишь, так жалеешь
в ослепленьи чувственном своём.
Жаль, любить меня ты не умеешь,
озадаченного бытиём.

Вот опять я злюсь... Ты — смотришь в очи,
чистишь наш уют и кормишь с рук.
А уж эти наши ночи-ночи!
Всё, чем мы богаты, милый друг...

Вроде не беда, что мало денег —
не от них блестят твои глаза.
Но прости — я чувствую ошейник
и тупую злость цепного пса...

Же-енщина моя! Зачем же в слёзы?
Я же об Отечестве своём!..
Подождём с детьми.
Под чьи-то розы
не хочу готовить чернозём...

* * *

Это заговор сильных. Союз камней.
Их безлик, словно тьма, кумир...
Я не слабый, но камни — они сильней.
Только мёртвым подвластен мир.

Так зачем это я — инвалид идей,
малохольный в толпе кликуш,
всё мечтаю микстурами площадей
заливать глаукомы душ?

Я хочу посмотреть при большом огне,
как неправда горит в кострах...
Как дорогу до Родины вам и мне
прорубает животный страх.

Лошадка

В хомуте, как в оконной раме!
Нет привычней, чем вкус удил.
Чья-то удаль в лиловом шраме —
кто-то в лоб ей наотмашь бил.

И растеряна, и пуглива,
и хороших не ждёт вестей...
А в глазах — перезрелых сливах —
дым сгоревших степных страстей.

* * *

Была б ты женщиной
пропащей,
босой,
как вся Твоя судьба, —
я взял бы и
рукой дрожащей
печати стёр Тебе
со лба.

Потом
упал бы на колени
и, сердце комкая
в груди,
заместо всех
стихотворений
проговорил Тебе:

— Иди!..

Любовь поэта

*Блуждая по несчётным городам,
Одним я услаждён всегда — любовью.*

Бальмонт

Ты в глаза не смотри с выражением вещим,
не томи и остаётся с тобой не проси.
Эта странная жизнь — достояние женщин,
непонятливых женщин Руси.

Пусть меня разметёт по забытым порогам,
пусть я таю вчерашним теплом одеял,
я пришёл, чтоб примерить тебя к этим строкам
и... оставить себе идеал.

Все вы — скрипки забытого музыкой тела,
одинокие драмы взыскующих глаз.
Я живу, чтобы знать, как искра золотела
быстрым счастьем — в профиль и фас.

Ты за правду прости, хоть её не прощают.
Меня гонит мой дождь — он зальёт весь твой дом!
Я несчастный поэт... Я вернусь, обещаю,
и побуду пушистым котом.

А сейчас не томи выражением вещим,
я женился на музе — её и проси.
Эта грешная жизнь — достояние женщин,
повстречавшихся мне на Руси.

К музе

Я не знал, что дорога с тобой будет тёмной
и тяжкой.

Говорю тебе правду, как старый, как преданный
друг.

Отпусти и прощай!

В этот век ты погибнешь монашкой,
стервенея от ровного бляенья младших подруг.

Ни к чему эта боль —
мы живём не в Серебряном веке.

На безбожье настала пора сочинять буквари.

Ты не сможешь... Прощай!

Ты отстала от жизни навеки.

Твоим ангельским взорам не справиться
с бронзой зари.

Это время стоит, как такси с гулким счётчиком
денег.

И несётся, как поезд, который не сможет свернуть...

Наши ребусы — чушь.

Пусть продюсер умелый разденет
и продаст тебя оптом — пустую и глупую.

Пусть —

ты без сердца пойдёшь вылеплять из отчаянья
заумь,

венценосной чужачкой, неся свои кудри в наклон.

Пусть я буду смотреть из окошка, темнея глазами,

твой навек безнадёжный,

пустой и бессмысленный клон...

Коллегам

Пусть всё увесистей и строже
слова летят,
под небом века мы похожи
на мамонтят.

Мы торжествующему монстру
оксюморон.
Как будто каждый был к упорству
приговорён,

твердим, чего давно не слышат,
как о своём,
хоть каждый вывернут и выжат —
наперелом.

Мы все сродни повтором строчек
колоколам...

За безрассудство одиночек —
спасибо нам!

Поэтессе

Т.Ш.

...Осени этой — что сказать?
Чёрную выпренье выгнет бровь,
лихо ударит по всем газам,
грустью навьючит свою любовь.

Вытянет сердце в лиловый дождь,
канет на раны соль-листвой.
Бросит тебя — неродную дочь,
музыкой выпростав волос твой.

В холод растеряно-серых глаз
вселит упрямую боль высот.
Будешь, вскипая венками фраз,
гибель свою посылать в полёт...

Осень на птичий сорвётся крик,
чёрный на лисьем наденет плащ...
Если устала — меня бери.
Но никогда, никогда не плачь!

Жанна д'Арк

Л.Г.

Как брошенный щенок в прохожие перчатки,
уверю в тебя единственной из вер.
И сердце-лабиринт, как гейзер на Камчатке,
рванётся в высоту, к холодным тайнам сфер.

Привычно и легко играя роль поэта,
я соберу слова и брошу в новый бой.
Назад придут не все, но уцелеет это
словечко — Жанна д'Арк, а попросту — любовь.

На улице дождя живёт немой художник,
на стенах жизнь его — полотен длинный ряд.
Он честный, но смешной: гугыкая тревожно,
закатит объяснять, как гейзеры бурлят!

Сбегу я от него, пойду куда-то мимо,
на мокрую скамью усядусь, как дурак.
А сзади подойдёт
и непоколебимо
погладит по плечу всё та же — Жанна д'Арк...

Романтика

С.Г.

...И вечер, и кафе, и звуки томных лир,
и прикурить от грёз стотысячная проба,
и дохлый разговор, и завтрашний кефир,
и эта правота, с которой пьём мы оба...

Никто и ничего не в силах изменить,
и нам не протянуть сердец поверх бутылок.
Но молодость во мне осколками звенит,
но юность бунтовски целует мне затылок!

И я сорвусь в галоп — седлать кабацкий стон,
как бунт на корабле, устану я кружиться.
И друг успеет снять на чудо-телефон,
как бьётся о паркет ошипанная птица...

Я выйду из такси по выжженной земле...
Мобильник день начнёт с похмельного испуга.
Остатки красоты на утреннем челе
потрогает рукой нелепая подруга...

Никто и ничего не в силах изменить,
измерена душа количеством бутылок.
Но молодость моя как колокол звенит,
свобода каждый день целует мне затылок.

Скрип

Белый свет заколочен досками,
и в глаза ничего не сказать.
Ничего не покажешь руками,
а чернила — не могут писать.

Я уехал надолго, надолго —
хоть обои меняй на стене.
Белый снег, чертыхаясь без толка,
под ногами скрипит обо мне.

И стучится секундная стрелка,
всякий раз намекая на круг,
словно наша любовь-скороспелка
приключилась на свете не вдруг...

Кто забыт — те замолены чёртом.
Снег растает ближайшей весной.
Ты решилась с последним абортом
и уже не беременна мной...

Только разве что вспомнится мельком,
как, бывало, скрипит за спиной
удалая секундная стрелка
или снег — подкаблучник смешной.

Друзьям

У крыльца не затоптаны годы...
Вновь уехал Ивашка Дурак!
Стометровки глумливой свободы
не приучат к свободе никак.

Светофор как мигал, так мигает.
Телефон позабыт навсегда.
То ль судьба, то ли — песня такая,
Толь такая, друзья, ерунда.

Жизнь меняю с размахом широким!
Кто-то понял, кому-то плевать,
как я сдачу вгоняю во строки
и складаю в пыли под кровать.

И уже без конфет ваши дети
Дед Морозом считают меня!
Только хочется знать мне на свете,
что ещё кто-то верит, кляня.

Я ведь так полюбил возвращаться —
чтоб нежданно и прямо в упор.
Да и тень моя бегает часто
до «Белова»* — обнять светофор.

* «Белов дом» — перекрёсток в Сызрани.

* * *

Отзвенела капель —
это юность лилась по стаканам.
Чаще залпом и всклень,
потому и до самого дна.
Сколько хожено троп!
Только время — махновец с наганом —
не оставило мне ни следа.

Сколько было любви —
как темнеют на сердце отметки!
Сколько веры в друзей —
как ценил я беспечных ребят!..
Отпускаю теперь эти чувства,
как птичек из клетки,
а они никуда не летят...

А они не летят:
их не ждут никакие задворки,
у помоек — затор,
им осталось лишь прятаться тут.
Проходя вдоль знакомых домов,
я кидаю им корки.
А в домах все другие живут.

* * *

Созревает «Прощай...».
Отцветает капуста.
Нет таланта прощать —
значит, не было чувства.
Мне уже всё равно —
я постиг эту драму:
я танцую кино,
ты танцуешь рекламу.

Я опять наугад
быть пытался хорошим.
Пустота. Листопад.
Был я предан, стал — брошен.
Ведь, как глупый щегол
или пьяный Анисим,
я не смог ничего,
кроме песен и писем...

Зря сгорела свеча:
ты не стоила воска.
И тоска сгоряча
гонит строчечки жёстко.
Ну а мне всё равно:
я найду себе драму.
Кто снимает кино,
тот не любит рекламу.

Крошка

Е.К.

Милых расплывчаты лица.
Память тихонько поёт...
Времени синяя птица
свой продолжает полёт —
тень остаётся густая,
свищут в полнеба крыла...
Лет моих целая стая
клином за нею ушла.

Может, увидишь их, жалких, —
дай им рассыпчатый хлеб:
будет в ладони вожак их
тыкаться, будто ослеп.
Будут они у причастья
драться за крохи твои!
Будут желать тебе счастья,
может, в такой же любви...

Впрочем, все счастья капризны.
Птица летит вы-со-ко.
Дерзкая преданность в жизни,
может, важнее всего.
Дерзкая преданность, крошка!
Вот что такое любовь.
Стае моей на дорожку
сыпь, не жалея, хлебов...

29

Уезжает куды-то кровать
под тугие минорные ритмы.
Начинает сердечко сдавать,
не найдя себе правильной рифмы.

С каждым годом чужей и чужей
меж землёй и прокуренным небом,
я уже не предвижу кушей
и освоился в тоне посмертном.

Всё поняв — ничего не приняв,
погубив в себе глупую радость,
я прошу: позовите меня,
может быть, я понадобится рядом?

Буду верить в чужие мечты,
буду гладить чужого ребёнка
и ходить за четыре версты
ко двору, где живёт почтальонка...

Но смогу ль написать чистовик?
Ведь случаются грыжи у судеб.
Ты, гражданочка, пробуй, лови:
может быть, в тридцать лет — всё же будет?

Полюби ты меня горячо
и рифмуй эти ночи жесточе.
Без тебя я уже обречён
оборваться, как стих в многоточье...

* * *

А зори здесь тихие. Закаты здесь алые.
Сомнения — дикие. Признания — талые.
Надежды — заточены. Любви — изношены.
И лишь многоточия зияют непрошено...

А время колбасится. Эпоха — красуется.
Ложась прямо на сердце, как шумная улица...
Куда же нам слабеньким?
Куда нам — опричникам?
Дождётся ли маменька в окошке с наличником?

Ходили мы к лешему — утёрлись невзгодами...
А солнце по-прежнему пылает под сводами!
Горит и качается на ультрамариновом.
И нам улыбается — лучом мандариновым.

* * *

Как спешит календарь...
 Как слова о любви неуместны.
Как уходит в разрыв
 невозвратность признаний и дат!
Наши встречи редки.
 Но зато расставанья — прелестны,
лишь темнее металл
 на штыках Оловянных Солдат...

Мы однажды поймём,
 как забавна в судьбе турбулентность,
и простим себе всё —
 даже то, в чём так мало вины!
И я снова приду —
 представлять вымирающий этнос,
с ожиданьем тепла,
 с темнотою из-за гордой спины.

Ты усадишь за стол,
 хоть я вовсе не сделал работу,
будешь мудро смотреть
 сквозь прозрачную карюю даль...
Может быть, ты услышишь во мне
 всероссийскую ноту,
как я вижу в твоей седине
 всесоюзную сталь.

* * *

Н.П.

Прости:
так дурачки — нелепо — странно —
могучую нежность свою любя —
душа моя
голосом Дэйва Гана, с альбома «Ultra»*,
зовёт тебя.

Зачем эта правда? К чему химера?
Не бойся!
Встречай: из далёких мест
несётся простая такая вера,
что ты Магдалина, а я воскрес.

Так дышится сладко...
Да только снег-то,
кружась, осыпает ухмылку дня.
Идёт по нему счастливый Некто —
он лучше, а главное, ближе меня.

Зачем он явился? К чему случайность?
Кем станет тебе — стеной?
Войной?
Ты всё порешаешь сама — отчаянно.
И я не погибну.
И хрен со мной.

Но если ты вновь задохнёшься снегом
в гламурном безлюдье большого дня,
ты знай, что не сможет смириться Небо —
и вышлет архангела.
То есть меня...

* Deriche Mode

* * *

...Все телеграфные столбы
и провода подхватят хором:
- Ты не спеши его забыть
за этим искренним забором!
Ты не спеши ему сказать,
что ничего не случилось,
что ты огромные глаза
шприцу потёртому вручила!..

...Средь ночи бледная постель
тебя обнимет, возвещая:
— В том в сердце, выбитом с петель, —
табак, метель и горечь чая!
А были для твоих ступней
чисты ковровые дорожки.
Теперь там воют неотложки,
и гадят кошки всё нежней!..

...Его окликнет мишура
на Рождество с поблёкшей ёлки:
— Лицо расправь своё с утра,
и жить пора — «Жилетт» на полке!
Пусть след уводит в никуда,
не заслоняй любовью солнца.
Твоя — всегда к тебе вернётся,
чужая — сгинет навсегда...

Морское

Там, где ночь украшена
грохотом гиней,
молодцы бесстрашные
требуют коней.

И ломают сабельки
рыцари всех стран,
за цветочек аленький
искромсав туман.

Там сердца — как гавани,
млеют — обмелев
взорами лукавыми
дерзких королев...

Там на реях вешают,
соблюдая чин,
роковые женщины —
роковых мужчин.

Какаду

И ты пройдёшь, и я пройду,
и времена пройдут.
И только старый какаду
и после будет тут.

Сто лет глядит зрачком дверным,
чего ему скрывать?
Скрипит он нам и всем иным:
— Люби-ите, вашу мать!..

Не нам ползти на животе
забвенью прямо в пасть.
Давай пройдем по высоте —
она не даст упасть.

Она — молчание во рту,
зубов не разжимать!
Я прав, мой старый какаду?
— Конеч-ечно, вашу мать!..

* * *

К.

Эта вера твоя — быстрый шаг наугад
от косога дождя под навес у подъезда.
Это сердце моё — огонёк напрокат —
тоже ищет себе подходящего места.

Дождь замрёт на лету. Колыхнётся огонь.
Ты доверчиво мне поцелуешь ресницы.
И я лягу как мост между мной и тобой...
И от этого кто-то родится.

* * *

К.

А ты умеешь — просить прощенья,
когда сливаются пульс и слёзы —
её с твоими —
и нету позы
уместней,
чем визг и валянье щенье?..

А ты умеешь — поверить милой,
когда позабыто такое слово,
чтоб годы тюрем
и боль другого
сделать любовью своей и силой?..

Умеешь ты так просить у Бога —
такую представ человечесьей правдой,
чтоб видел Он:
«Им — ничего ж не надо,
во славу мою — живые оба!» ?..

А мы умеем!
Мы сможем много.

Надень бушлат мой и дай мне руку.
За мной повторяй:
«Жена... Подруга...
Прощенье... Верность...
Любовь... Дорога...»

Письма

Л.Г.

Все мысли покрылись пылью седины,
все письма умерли, не дойдя,
и я очнулся совсем один
посредь сияния и дождя.

Схватил соломинку-телефон,
кряхтя, закусывая губу,
чтоб ты, на минуту покинув трон,
услышала, как хриплю в трубу —

что, может быть, я — поэт... кретин...
что письма умерли, не дойдя,
что я хороню их совсем один,
с лицом сияющего дождя...

Пунш

Был полдень ноябрьский.
Вдруг что-то случилось
со временем.
В лапищах деревьев
застыли
кривые смычки.
Но пауза длилась,
ложась твердокаменным
бременем:
наивный Вивальди
искал под ногами
очки...

И так эта осень
застыла
над пропастью города,
и так пахла дымом
туманная кротость стихий,
как будто бы кто-то
впервые
цитировал Господа,
и грел себе пунш,
вместо газа
сжигая стихи...

Славка. 1995

Мы отправились по Волге
в резиновых лодках,
в скверную ветреную погоду,
Первого мая, когда ледяная вода.
С нами был Славка.

Мы не доплыли до островов —
нас заливала вода, ветер гнал от берега.
Обмороженные ужасом,
мы ночевали на деревьях,
не чувствуя ступней, вставленных
в развилки ветвей.
Славка сорвался с дерева
и начал умирать.

На рассвете мы поплыли
в последней оставшейся лодке.
Нас снова заливала эта безжалостная вода,
ветер не пускал к родному берегу.
Четверо в двухместной лодке, мы боролись.
Но мы не успели.
Славка умер на час раньше.
Он только схватил пальцами щепотку неба,
но никто не разобрал слов.
Сидя на нём, мы выбивались из сил.
Нас подобрал пожарный катер.

Славка не дожил до восемнадцати
тридцать четыре дня.
Сады зацвели через пять.

Деня. 2008

Смерть друга — это выстрел из-за угла.
Это проломившийся под ногами лёд —
в душу свою летишь по горло...
И сердце падает, как юла,
а время почему-то встаёт.

Встаёт пред глазами аквариум — время наоборот.
Ищешь там друга, губами тянешься сквозь стекло.
Целуешь.
Оно холодное, как помятый капот
в остывшей крови его...

Денис! Рыбалка, работа, автомобиль...
Конечно — жена. Сын. Дом.
Каждый, кого ты чуть-чуть любил,
бывал за твоим столом.

Считаем по пальцам: смех, жест, цвет глаз,
походка да буйный хмель...
Спасала ракета дружбы нас —
твоя молчаливая ель.

Она во дворе, у стола растёт,
смотрит в тоску окон.
Но только никто её в полет
не пустит — тебе вдогон.

Высшая мера

Пока мы тут просто радуемся,
просто смотрим сериалы,
ледовые шоу,
прогноз погоды,
просто целуем маму,
треплем щекастого малыша,
из всех нас —
из неё, из него, из тебя,
из самой этой земли,
по которой мы ходим, —
бурным
миллионнотонным
поток
безвозвратно
вытекает
кровь...

Так называют нефть.

Но это неправильно.
Это не только нефть.
Это — историческое время нации,
курс которого
измеряют
миллионами жизней —
таких же вот,
как твоя...

Конопатый

Прямо посреди проезжей части,
прямо на сплошной полосе разметки,
крича и вздрагивая,
сидел пушистый котёнок.

Нескончаемым рычащим поездом
в обе стороны шли,
вкатывая в асфальт весенний воздух,
трейлеры.

Котёнка заносило
летающей из под огромных колес
коричневой водяной пылью,
коптило
дизельной копотью.

Раньше он был белым,
а сейчас,
чумазо крича и вздрагивая
от несущихся
чёрных

колёсных

жерновов,

котёнок

поверил

в Бога...

На обочине большой дороги,
стоял конопатый мальчишка.

Он пришёл за котёнком.

Он улыбался.

Конопатый... бог.

Истово

Истово, боже, как истово
барская стелет гармонь!
Флага, от подвигов чистого,
крепнет трёхцветная бронь.

Лейте побольше игристого —
люди же, люди глядят!
В форму судебного пристава
накрепко врос депутат.

Впрочем, какая там разница —
он ничего не украл.
Кто запоёт, а кто дразнится
возле старинных зеркал.

Лейте же больше игристого,
режьте под камеру торт!..
Кто там три тысячи триста
просит займы на аборт?

Дурочка! Парня плечистого
выбери, вона — мордаст.
Истово дай ему, истово, —
он тебе денежку даст.

Давай-давай!

Мы тщимся по гламурной наледи
под рукоплёск тлетворных баб.
Наш бог исполнен в форме комеди
и начинён приставкой «клуб».

Мы уничтожим тень сомнения
в своей махновской правоте.
Мы из могилы вынем гения
и бросим в жуткой наготе!

Мы узнаём, что вы там умерли,
вдыхая крематорский дым.
Мы жжём сгустившиеся сумерки
рекламным светом золотым.

И пусть мы слепы, как отчаянье,
неумолимы, как беда,
мы ни секунды не случайны...
Мы воцарились навсегда.

* * *

Чтоб никто не был лохом
и не корчил лица,
для начала эпоха
вынимает сердца.

И умеет неплохо
набивать в ямы лбов
разноцветную похоть
и жестокость рабов.

Empire-V

В подъезде надпись:
«Жизнь — борьба.
Забег конвейера с людьми».
Я утираю бренд со лба,
ложась у маркета костями.

Я обезбоженно-нагой —
забывший, кто я в мире есть.
Я с теми, кто большой ногой
зادвинут в винодельный пресс.

Я много слышу о правах.
Перегоняемый в мазут,
я белка в чьих-то жерновах —
с надеждой, что они — везут.

Меня имеет балаган...

Собрать пытаясь правды ртуть,
я жду, что сзади по ногам
ударит сильный кто-нибудь...

Страшна людская вертикаль,
да накрест — медиа-дуплет.
Лишь обесмысленная даль
тех песен помнит силуэт,

когда история — за нас,
когда умели — вопреки,
и первомай открытых глаз
имел подобие реки,

когда ещё мы живы все...

Дмитрию Панину

...Уже кто-то дышит на ладан, а кто-то в затылок.
Играем всухую — мы лишние люди по сумме.
Мой Гамлет — Шекспир нам в подъезде оставил
бутылок.
Поедем — сдадим на очки Государственной Думе!

Враги обступают, как в прошлом, загадочный
Кремль...
Есть выбор фамилии нового якобы солнца.
Отчизна смеётся с экранов, улыбочка — кремень.
Поедем, мой Гамлет, поедем — а вдруг нам
зачтётся?

Ты скажешь — всё то же: сквозь
богоискательство денег
доносится слух летописный о свежей измене.
Но стёкла Шекспира! Мы сядем в вагоны
раздельно.
Крамольные тени, мы в поезде будем — как тени...

Не хочешь ты слышать об этой смертельной
нагрузке.
Не хочешь, чтоб ноги по собственной крови
скользили.
Но я не пойму уже, кто я — еврей или русский,
намыливши правдой дрянное бельишко России.

Но Гамлет! Мой поезд уйдёт, и тогда без возврата
не стой на перроне сутуло, при шпаге и в шпорах.
Не надо терзаться... Конечно, ты был бы мне
братом,
когда б ни вот это меж нами — под скрежет
повторов:
когда б ни зверели со школы, ни рушились хаты,
когда б каждый третий ни канул, бессильный
от горя...

Оставь себе книжку — я в ней молодой
и крылатый,
и бьюсь в тот же берег, что это российское море...

Подкова

Когда во мне останется ни слова,
а только рёв рифмованных зверей,
представьте, что я ржавая подкова,
прибейте ради счастья у дверей.

Налейте триста грамм в цветном бокале,
подайте хлеб и троньте за плечо.
Пусть вы меня в два счета обскакали —
я вас любил когда-то горячо.

С тугим лицом куря по тыще пачек,
я так хотел чего-то вам сказать.
Когда вас одолеют сны и дачи,
несите мне вспотевшие глаза.

В те времена я буду углевиден
и, как подагра, буду одинок.
Но каждый, кто мечтал об Атлантиде,
однажды жал мой старенький звонок.

Я вам открою — как я вам открою!
Вдруг полюдев, мы спустимся во двор.
Согреть огня оранжевою кровью
чахоточный евангельский костёр.

Мы вспомним, что когда-то завещали
себя большой загадочной судьбе.
И вот — посреде России и печали —
мы вдруг поймём о мире и себе.

И вот, храня в глазах счастливый проблеск,
мы выйдем к людям, как идёт весна...
И люди с гиком бросят нас под поезд,
спросив для святцев наши имена.

Не НАТО

Мечтой о голливудском рае
висят спагетти на ушах...
В гарем славянку забирает
гипертоничный падишах.

Безмолвствует Россия-сука
из нефтяного далека,
да бог славянский смотрит сухо,
да планка неба — высока...

Над Степью тень войны старинна!
Тревожно мачехе-Руси.
Смотри же, гарна Украина —
в подоле нам не принеси.

Май

Листва распускается
в зелёном дыму...
Охота покаяться,
да в чём — не пойму.

Достала распутица —
судьбы тарантас.
Мы тоже распустимся,
влюблёнными в нас...

И после окажется,
что это навек:
что мудростью саженца
живёт человек.

Что в сумрачной вечности
под дьявольский лай,
в глазах человеческих
Бог празднует май...

Содержание

«Я вам машу рукой — машу издалека...»	3
Только музыка	4
«Бывают дни у судеб — перекрёстки...».....	5
«Ты помнишь тот азарт давнишний?...»	6
«Всё, что было задорно и здорово...».....	7
Деду	8
Первая любовь	9
«Вечное время...»	10
«...Мы перестали быть детьми...».....	11
Такая ночь	12
Песня	13
Поздно	14
«Всегда загадочно-простая...»	15
Беги!	16
Флагшток	17
Первый	18
«Это можно говорить громко...».....	19
«Колокольни»	20
«...Ты меня так любишь, так жалеешь...»	21
«Это заговор сильных. Союз камней...»	22
Лошадка	23
«Была б ты женщиной...»	24
Любовь поэта.....	25
К музе	26
Коллегам	27
Поэтессе	28
Жанна д'Арк	29
Романтика.....	30
Скрип.....	31
Друзьям	32
«Отзвенела капель...».....	33
«Созревает «Прощай...»...»	34

Крошка	35
29.....	36
«А зори здесь тихие. Закаты здесь алые...»	37
«Как спешит календарь...»	38
«Прости...».....	39
«...Все телеграфные столбы...»	40
Морское.....	41
Какаду	42
«Эта вера твоя — быстрый шаг наугад...».....	43
«А ты умеешь — просить прощенья...».....	44
Письма.....	45
Пунш	46
Славка. 1995.....	47
Дня. 2008	48
Высшая мера.....	49
Конопатый.....	50
Есенин	51
Истово	52
Давай-давай!	53
«Чтоб никто не был лохом...».....	54
Empire-V.....	55
Дмитрию Панину	56
Подкова	58
Не НАТО	60
Май	61

Литературно-художественное издание

Максим Сергеевич Ершов

Флагшток

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета
Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Корректор
Алексей Сыромятников

Издание подготовлено издательством

«Русское ЭХО»

Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 22.08.2011. Формат издания 70x90/₃₂.
Объём 2,34 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства ООО «Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 310, телефон (846) 267-36-82